

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
(на материале рукописи „Диариуш“ Афанасия Филипповича)**

Е. КЕДАЙТЕНЕ

Взаимодействие украинского и белорусского языков с другими славянскими языками в период XVI—XVII вв. является весьма важной и актуальной проблемой при изучении формирования, а также развития украинского и белорусского литературных языков. Вопросы взаимосвязей украинского и белорусского языков этого же периода тоже из-за недостаточного исследования языка памятников представляются малоразработанными и требуют глубокого и всестороннего изучения. В истории языковых связей украинский и белорусский языки XVI и XVII вв. характеризуются такой близостью, что некоторые языковеды склонны считать эту общность как „украинско-белорусский язык“. Как известно, такое единство объясняется рядом причин: общим восточнославянским происхождением, длительным историческим развитием украинской и белорусской народностей в Литовском княжестве, а затем в польско-литовской государственности и другими.

В формировании и развитии украинского и белорусского литературных языков значительную роль сыграло национально-освободительное движение украинского и белорусского народов в XVI и XVII веках, которое приобрело форму религиозной борьбы за православие против католической веры. Вера православная стала знаком национальности. Отказаться от православной веры означало то же, что перестать быть украинцем или белорусом.

Брестская уния 1596 г. вызвала большую полемику православных с католиками и новыми членами — униатами, которая по своему содержанию становилась научной; полемическая литература со стороны православных постепенно совершенствовалась. Русские приходят к сознанию, как отмечает акад. Е. Карский, что успех в борьбе с католичеством зависит от их образованности, что следует создать школы, в которых могли бы обучаться люди. И такие школы начали создаваться в Вильне, Киеве, Львове. Школьными учителями, напр. в Вильне, были выдающиеся ученые и проповедники того времени: Смотрицкий, Зизаний, Карпович и др. Полемические произведения, написанные этими учеными и их учениками, по выражению Е. Карского, уже носили явные признаки учености.

Большинство полемических писателей, по мнению Е. Ф. Карского, были украинцами и лишь немногие работы принадлежали уроженцам Западной Руси. „Некоторые деятели по временам жили и действовали в Западной Руси (напр., в Вильне) и в Южной (напр., в Остроге, Луцке, Львове); и там и здесь писали и печатали свои произведения, так как и в этих областях жизнь развивалась под влиянием общих условий“. „Вообще говоря, иногда бывает трудно установить границу между теми и другими“¹.

Народный язык стал сильнейшим средством в этой религиозной борьбе. В Западной и Южной Руси образовалось множество братств, которые встали на защиту православия. Для широкой пропаганды православия и борьбы с католичеством им требовалась полемическая литература, написанная народным языком. Таким образом, демократизация литературного языка также была обусловлена необходимостью вовлечения широких народных масс в борьбу за свое национальное сознание.

Поэтому для изучения литературного языка украинской и белорусской народностей XVI и XVII вв. необходим всесторонний анализ не только деловой письменности, но и языка памятников полемической литературы. Рукопись „Диариуша“ Афанасия Филипповича представляет большой интерес с точки зрения исследования литературного языка первой половины XVII в. В ней, кроме повествования автора о его борьбе против унии, странствиях, помещены послания, письма и другие документы, отражающие в некоторой степени биографию автора и расположенные в таком порядке, что памятник в целом представляет собой как бы автобиографию Афанасия. В конце „Диариуша“ находится повесть о мученической смерти Филипповича, сочиненная послушниками казненного игумена.

Афанасий Филиппович был ревностным борцом за православие, всю свою жизнь он боролся против унии, до глубины души возмущался тем беспорядочным положением православия в юго-западной Руси, в каком находилось оно после провозглашения Брестской унии 1596 г.

Энтузиаст и мечтатель от природы, Афанасий Филиппович к тому же был одарен решительным и пылким характером. В роли защитника православия и борца против унии он выступал на сеймах, произносил громкие и страстные речи, писал торжественные послания. Высшее православное духовенство Филиппович резко обвинял в равнодушии к своему долгу, в пристрастии к житейским интересам. Филиппович был интересной исторической личностью и в том отношении, что ему привелось быть воспитателем, а потом обличителем перед русским правительством одного из самозванцев, Ивана Лубы, выдаваемого в Польшу за сына Лжедмитрия. Жизнь Афанасия Филипповича кончилась трагически: в 1648 г. он был казнен польскими властями.

Память о жизни и смерти Афанасия Филипповича всегда была живой среди населения юго-западной Руси. Его произведения „Диариуш“ и особенно „Мемориал“ составляли любимое чтение для белорусов и украинцев, о чем свидетельствуют сохранившиеся многочисленные списки. В народе

¹ Е. Ф. Карский, Белорусы, т. III, П., 1921, стр. 16.

были и самостоятельные попытки литературного воспроизведения его жизни. Например, на польском языке существует краткое житие Филипповича, которое в 1805 г. было переведено на „русский“ язык.

Предметом нашего исследования мы не случайно избрали памятник полемической литературы.

В настоящее время достаточно широко и глубоко исследуются деловая письменность и некоторые другие жанры старобелорусского и староукраинского языков, но весьма мало внимания уделяется специальному анализу языка полемической литературы.

Язык „Диариуша“ Афанасия Филипповича может служить яркой иллюстрацией для освещения языка юго-западной полемической литературы первой половины XVII в. „Диариуш“ написан литературно-народным языком, о чем свидетельствуют лексико-фразеологическая, фонетическая, морфологическая и синтаксическая стороны языка. Однако до сих пор неясно, какой это язык, старобелорусский или староукраинский. Языковеды нередко обращаются к этому памятнику, причем исследователи украинского языка используют его при изучении староукраинского языка, исследователи же белорусского языка считают его памятником старобелорусского языка.

В представленной статье мы не считаем возможным и даже нужным решать этот вопрос, поскольку ограничились лишь исследованием одной стороны языка рукописи, анализом склонений имен существительных, при этом большое внимание обращаем на взаимовлияние языковых стихий: отмечаем черты, свойственные только белорусскому языку или только украинскому, указываем на преобладание тех или других, а также не оставляем без внимания отражение книжного церковнославянского языка и влияние польского.

Исследование языка „Диариуша“ проводилось по рукописи, хранящейся в Москве, в Историческом музее².

При анализе склонений имен существительных основное внимание уделяется формоизменению существительных, а также стилистическому использованию тех или иных форм в тексте. В нашем памятнике классификация существительных по типам склонения может быть представлена уже тремя основными типами. Процесс концентрации слов по родовому признаку, о чем свидетельствует собранный материал, получил почти полное завершение. К первому типу склонения принадлежат имена женского рода (и немногие имена мужского рода) на *-а*, с конечным согласным основы непалатальным или палатальным: *перемъна, вѣра, кошулна, бурна* и т.д. Второй тип склонения составляют существительные мужского рода, характеризующиеся в имен. падеже нулем флексии. Форма имен. падежа у этих имен существительных совпадает с основой слова и оканчивается на согласный палатальный или непалатальный: *человекъ, отецъ, князь, привилей*.

² По техническим причинам вместо надстрочного знака *ŝ*, обозначающего *й*, пишем букву *й*. Надстрочные буквы *з, л, м, н, с* и некоторые другие, имеющиеся в рукописи, вносим в слова особым шрифтом. Предлоги и союзы пишем раздельно, имена собственные с прописной буквы.

Буквенное обозначение чисел передаем арабскими цифрами.

К этому же типу принадлежат и существительные среднего рода на *-o* и *-e*: *солнце, тѣло, преслѣдоване, слышание*. Третий тип склонения включает в свой состав имена женского рода с нулем флексии в имен. падеже. Форма имен. падежа представляет основу слова и оканчивается на палатальный согласный: *смерть, справедливость*.

Имена существительные обладают категорией числа (ед. и мн.). Двойственное число в нашем памятнике отсутствует, если не считать единственного случая у существительного, обозначающего парный предмет:

... штосмо ѿчима нашими видѣли (176).

Эта форма сохранилась в белорусском и украинском языках.

В остальных случаях засвидетельствовано множественное число. Проиллюстрируем примерами:

двѣма драганами (175); монастыри наши ѿбадва (176 об); двох речей (176 об); двома кѣлами (177 об, 177 об); двом... реліамъ (170 об); двоухъ штукъ (170 об); два бискупы (170 об); ѿ забране кони двоух (171 об); а кони два (161 об); ѿбѣдвѣ тыи справы (164); гдѣ два або три собрани (165 об).

С числительными *три, четыре* встретившиеся существительные в нашем памятнике употреблены только во множественном числе: чтыри праздники (152 об); тые три речи (158); преЗ три лета (158); и цноты головныи чтыри тыи суть (147 об); кони на подводы три (175); потым в головѣ дирокъ три (177 об).

Что касается звательной формы, то она представлена только в некоторых случаях, в основном у существительных мужского пола:

змилѣйсѧ, кролю Полский, пане Христіанский (166); кролю пане мой МлСтивый (167); панъ мой милостивый Владиславе Четвертый (166 об); наѧснѣйшиЙ кролю Полский (169); игѣмене берестейский (173 об); не-дойдеШ Гдѣне ѿТче (150, 152); пане мой милостивый (снѣ Жигмонта Третьего Владыславе Четвертый (165 об); брате милый (151 об); ѿТче Афанасий, брате милый, жаль ми тебе (149).

В основе на заднеязычный перед окончанием *-e* сохраняется чередование с шипящим: стаРче великий (151).

Следует также отметить, что звательная форма засвидетельствована в нашем памятнике довольно непоследовательно. Там, где следовало бы ожидать названную форму, употреблен именительный падеж, даже в одном предложении рядом со звательной формой:

Змилуйсѧ, кролю Полский, панъ, а панъ мой милостивый Владиславе Четвертый (167); наѧснѣйшиЙ кролю Полский, панъ и панъ мой милостивый (166); панъ мой милостивый (167).

Звательная форма на протяжении своей истории подвергалась взаимовлиянию разных типов склонения, что нашло свое отражение и в „Диариуше“. Например: пане мой милостивый, сыне Жигмонта Третьего... (165 об).

На существительное *сынъ*, восходящее в прошлом к основам на **й* (звательная форма *сыну*), оказали влияние основы на **o*, звательная форма которых имела окончание *-e*.

Звательная форма существительных свойственна и белорусскому,³ и украинскому языкам. Но в украинском языке она представлена значительно шире. Там эта форма распространилась не только на одушевленные существительные мужского и женского рода, но и на неодушевленные предметы. В нашем памятнике, как видим, звательная форма очень скромно представлена, она засвидетельствована только у некоторых одушевленных имен существительных муж. пола, также как в других памятниках старобелорусского языка, например, в деловой письменности.

Перейдем к анализу падежных форм имен существительных. Имена женского рода в именительном падеже оканчиваются на *-а*, с предшествовавшим твердым или мягким согласным:

и побѣдка здарѣ Дѣха свѣ: (162); а унеѣа згинеть (177); владза дочаснаѣ (172 об); тылко кошѣлна его была (177 об); и вѣра ... една ѡрѣнталнаѣ (169); словнаѣ мова (176 об); блискавица страшнаѣ была (177 об); внѣтраѣа войѣна непотребнаѣ... была (170); дорога душа челоѣчаѣа (167); бѣрѣа повстала (149); змышлѣоныѣ и видомаѣа голова (165 об) и другие.

Представляет интерес форма на *-е*:

кролеве ихъ мѣл: жалосне в тоМ ѡшуканы бѣдѣчи (170).

По всей вероятности, слово *кролеве* имеет звательную форму, употребленную вместо именительного падежа ед. числа.

Существительные женского рода в имен. падеже имеют чистую основу, в этом случае конечный согласный основы палатален и на письме за ним следует *-ь*:

неровность есть пыха (172 об); ровность покора (172 об); што постереГши... челоД владычаѣа (160); ѡпорѣакийѣ и ѡкаменѣлость Фараѡнскаѣа (166 об); где снилоСТѣ ѡДтинаетсѣа (171); ганебнаѣа смерть поткала (176 об); волность вѣчне зостаеть (173); людскость имъ только (175); цноты головныи чтыри тьи сут: ростропность, мѣрность, справедливость и мужество (172 об); реЧѣ великаѣа (143); ноЧѣ была погоднаѣа (177 об) и другие.

Однако, наряду с представленными существительными женского рода на палатальный согласный встретилось слово, оканчивающееся на согласный *в*, который не является палатальным: церковъ таѣа (148).

По-видимому, согласный *в* произносился твердо и поэтому на письме за ним следует *ѣ*. Отвердение губно-зубных в конце слова свойственно и белорусскому, и украинскому языкам.

Имена существительные муж. рода в ед. числе имеют нулевую флексию, на письме пишется *й*, *ѣ* (и без *ѣ*):

слышал голос (177 об); великийѣ страХ пал (162); пришоЛ... ѡТѣ цѣ (151); найГоршийѣ гнѣвъ (167); Вырекши тот млоденеЦѣ (150); всѣаК члѣкъ ложѣ (171); шатаН проклаѣатыѣ... могъ бы броити (163 об); как злодийѣ, приѣде (166 об); сѣд страшный... нападе (166 об); хлопец ѡден (177 об); бо мѣсец был мареЦѣ (160 об); абы запечатовано привилеѣй (161); и в том сродок свѣтлоблывыйѣ (167 об); а папуц ѡден (177 об); явныѣй потварѣ (176 об); гайдукѣ

³ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. 2—3, Москва, 1956, стр. 121, 127—130.

повѣдалъ (177 об); свѣтоблivityЙ муж (148); небожчикъ посылалъ (177); не выЙдет з того панства мѣЧ (177); и глаС мой услышаТ (162).

Представленные формы особых замечаний не вызывают. Хотелось бы лишь отметить, что Филиппович, стараясь писать народным языком, иногда употреблял и церковнославянизмы, но преимущественно в тех случаях, когда он обращался к священному писанию. Напр., въ евангелїи свѣтомъ мовить: „...и глаС мой услышаТ...“ (162).

Существительные среднего рода оканчиваются на -о, -е: затым и писмо юж правосторонное (169); а благочестїе зась незадолго (177); тѣло его лежало (177 об); ѿ бедаЖ нещасте тому (166 об); възшло солнце (177); повстало великое преслѣдоване (176); пришло ми вырозѣмѣне (162); барзо великое старане приложити (167); смыслы сѣть: виденїе, слышанїе, повоненїе, дотыкане, смаковане (172 об) и др.

Большой интерес представляют существительные среднего рода с отвлеченным значением, имеющие флексию -е.

Для нашего памятника характерно образование отглагольных и именных существительных среднего рода с окончанием -е. Приведем примеры: барзо великое старане приложити потреба (167); повстало великое преслѣдоване (147); пришло ми вырозѣмѣне (162); пришоЛ на мене страхъ БжїЙ и мышлене (151); ѿ бедаЖ нещасте тому (166 об); Смыслы сѣть виденїе, слышанїе, повоненїе, дотыкане, смаковане (172 об).

Однако рядом с представленной флексией употребляется и книжная -їе, но значительно реже. Например, смыслы сѣть: видѣнїе, слышанїе, повоненїе... (172 об); а благочестїе зась незадолго (177).

Флексия -е в именах существительных средн. рода свойственна белорусскому народному языку. Это окончание -е образовалось в белорусском языке в XV—XVI вв. из -ие, причем *и* сократилось в *ь* (ѣе), а *ј* ассимилировалось с предыдущим согласным *н* (как и в украинском языке), смягченным посредством *ь* (*старане*, *вырозѣмѣне* и т. д.). Но в украинском языке названная лексика имеет окончание -я. Все анализируемые нами существительные среднего рода на -е наличествуют в белорусском словаре Носовича также с флексией -е: *старанне* (*старание*), *дотыканне* (*осязание*), *смакованне* (*ощущение*); в словаре украинского языка Гринченко также засвидетельствованы эти же слова, но с окончанием -я: *старання*, *дотыкання*, *смакота* (*смаковання* в словаре Гринченко нет).

Кроме того, в слове *дотыкане*, отмеченном в нашем памятнике, после *т* стоит буква *ы*, что характерно для белорусского языка, в то время как в украинском языке *и* (*дотикання*).

Имена женского рода и некоторые существительные мужского рода в родительном падеже оканчиваются на -ы или -и: а принѣаТе ѣнѣи (159); и для кривды церкви матки (177); для ласки нашео (175 об); противъ унеи речоные (177); з придаными собѣ з гвардїи нашео (175); але без заслоны (164); яКбы для яЛмѣжны назБѣдоваНе цеРкви (148); хмуры нигдѣ не видати было (177); покора ест жродлом цноты (172 об); каЛтуР подшитыЙ зѢ головы спалъ (149); и форта до Греції (167); потребуеть поправы (167); дорозѣмѣваемса причины (178); зѢ церкви идучи (149); вѣры православной

и церкви Восточной (162); зЪ матерїи спижовойЙ (171 об); ведлугъ наѣки свѣтого апостола (165); о мукахъ и смерти его (176); безъ вѣдомости пастыра (170); зъ милости братенскоЙ (173); с повинности моеЙ (164); мѣра злости выполнила (165); завше ваги несправедливости (165); дочекавши ночи (177 об); ꙗк невѣдомый жаДной хитрости (171 об); Гдна ѿТца гоДной памети Іѡсифа Бабриковича (158); з немоши ся телесной притрафило (158); съ повинности своеЙ (175 об); зъ милости своеЙ (172 об); ѡхаль до столицы (151); и бѣгучого мене юЖ до брами (160 об); доЙшли до воеводы КарачовЪского (151 об); зъ Мнишковны, воеводзїанки Сендомирской ДмитровичоМ (163 об); не бѣдѣтъ часѸ мѣти до покѸты (162); и помножеНе вѣры... православною подалеМ (158 об); ключи ѿТкниГ и твое избы и коморы до Панамарѣ ѡдаЙ (152); ѡ 8рзненѣ бороды (171 об); иЗ турмы выпускаю (175); и ѿТ клятвы ѿТступных боронили (170); Ведлугъ принятїа вѣры (163); ѣдучихъ до слѣзбы (175); и противныхъ правды (163); а мѣновите з стороны духовной (167); пришоЛ з дрѸгой избы (151); з дороги зблѣдилismo (151); ѡдошли до державы королевства (148); тутъ до столицы Московской (152); до деревни Кривцова (151); А хто бы з доброе воли своее (154); с канцеларїи королевское в тые слова (154); zostалеМ... 8 ВиЛни (158 об); потоМ розѣждзаячїся з ВаРшавы до Кїева (155 об); не нашедши въ мнѣ вины (156 об); А длѣа наѣки дѣтей... мѣти школу (154); взято мѣа... до Варшавы (157 об); ѡд ѡкрещенїа всея Россїи (169); протиВники правды стои (159 об); зъ славы доброЙ (163); особливою воли (162 об); воЙнѸ мѣти съ потреби (162 об); до короны полскою привилїа надаючи иМ (169 об); лист мнѣ до тѣрмы... писаныЙ (167 об); до Москвы посланыЙ (167 об); церкви своеЙ святой (172 об); а не церкви Восточной Грецкой (170 об); изъ церкви не отходячи (176 об) и многие другие.

Исконное окончание *-е* сохранилось лишь в нескольких случаях у существительного с бывшей основой на согласный — *церковь*:

и утикали одъ церкви (148); ижденуть отъ церкви (154); отъ церкви (160, 148 об)

и один у существ. *кровь* с *-ь*: лице ему преч зчернѣло все ѡд порохѸ и ѿТ кровѣ (178).

В памятнике встретилась еще одна форма, образованная по образцу прилагательных: до панеи казановской (175).

Можно полагать, что в данном случае сказалось влияние польского языка, поскольку, как известно, флексия *-ей* у имен существительных женского рода заимствована из польского языка. В нашем памятнике мы имеем лишь единственный пример с таким окончанием.

Флексии имен существительных муж. рода в родит. падеже в исследуемом памятнике следующие: *-а* (*-я*), *-у* (*-ю*), *-ы* (*-и*).

Ведущим и основным окончанием для этого падежа является унаследованная от старины флексия *-а* (*-я*), однако рядом у многих имен существительных муж. рода наличествует и флексия *-у* (*-ю*) из основ на **й*. Относительно последней следует сказать, что она свойственна всем восточнославянским языкам, но в белорусском — а в украинском особенно — окончание *-у* (*-ю*) охватило еще более широкие категории слов, чем в русском языке. В нашем памятнике одни имена существительные имеют только флексию

-а(-я), другие — только -у(-ю). Параллельное употребление этих флексий у того или иного имени существительного отсутствует. Флексия -а(-я) представлена у всех одушевленных имен существительных. Приведем примеры:

всеи Россіи князѣа (169); до царѣа Московского послати (163 об); взято... ѿД корольа Пана (157 об); и даль... лиСТ до князѣа Петра Трѣбецкого (149); иди до царѣа (151); пишеть до намѣстника моего (173 об); ключи... до панамарѣа ѿдай (152); мѣановите до королевича (175); от посланца господина отца (148); до крола Давида (167); ѿ Дмитровича цѣевича Московского взято мене (157 об — 158); былеМ ѿ посла (161 об); пришолъ до отца игумена (177); нимаШ ѿТца и мѣжа (159); одъ папежа (165); з діакона посвятити священника (165); прийдѣте юрто до ксіендза (160); таМ до христїанина (151); не видѣчи непрїателя (164); одного зъ насъ брата (177); за мужа своего Феофила (171 об); инстигатора не мѣлемъ (161); у Стефана Русина (160); какъ убогого чловѣка Нафана (167); а з лва базилишкоМ и смокоМ... станѣти (170 об); з лиса волком и лвомъ быти (170 об); же может зъ птаха псомъ и лисом сѣа перевернути (170 об); ѡказаВши невиНность мою взглядоМ цѣевича Московского (157 об).

Книжная флексия -а без *j* засвидетельствована у имен существительных, обозначающих церковных служителей:

ѿТ ѿТца папежа Климентїа (170); ѿД покойного Афанасїа Филиповича (148); до Давыдїа, намѣстника моего (176).

А также и у неодушевленных имен существительных, обозначающих церковные и книжные слова:

всїа цеРковъ восточнана до православїа сѢ маеТ веРнѣти (158 об); до бл҃гочестїа... списаВши жалСоный лиСТ (158); ис посланїа мене (169).

Кроме того, флексия -а отмечена у неодушевленных имен существительных, обозначающих абстрактные понятия:

и закоНного живота (158); на свѣдѣцтво до права отдаю (161 об); зъ сего свѣта (176); и свѣта видити не было (149); ѿД того живота не пострадалъ (150); зрозмѣвши ѿмылноСТ свѣта того (158); и власне, одъ образа (162); стоячи ѿ престола (176).

У имен собственных с предлогами, обозначающими направление действия, место действия:

з Берестїа прислано (151 об); приѣхавши до Берестїа (162); до Кїева мѣа прислали (155 об); единовѣрныхъ до Кїева (176); ѣздилемъ до Кракова (161 об); Афанасїй который з Вилнїа (158); ѣхалисмо неподалеко Сѣвска города (151); пишеть зъ Пинска (154); Приѣхавши... до СлуЦСка (149); идѣчи мнѣ до Вилнїа (158); с Кракова ѣхалеМ (161 об); провадѣт з Варшавы до Кїева (161); посылает мѣа знову... до Берестїа (156) и другие.

Только одно имя собственное в подобном случае имеет окончание -у: з старого Римѣ (169).

У имен нарицательных с предлогами, обозначающими направление действия, рассматриваемая нами флексия представлена очень скромно: лишь в одном примере у существительного *город*:

а потомъ до города (152);

и в восьми случаях у существительного *монастырь*:

з монастыра (148); до монастыра (176); А вернувшисѧ до Монастыра (149); вернулемсѧ какбы до монастыра (151); припровадили до монастыра (178); выѣхалем... з монастыра (149) и т. д.

О представленных именах существительных следует сказать, что все они свидетельствуют об отвердении согласного *p*, что, как известно, характерно для белорусского и отчасти украинского языков.

Окончание *-а* встречается также у имен существительных, обозначающих конкретные предметы:

язык з рота... вышол (178); бѣд безъ воза (175); взято ми з ложка взголовье и колдрѣ (159 об); стрѣлил з мушкета (177 об); ѿт ѡзилища раздрѣшен иноувѣрныхъ (175 об); и то одъ огня зчорнѣло барзо (154).

Несколько случаев у имен существительных, обозначающих время: лежалъ небожникъ... безъ погребу одъ дна пятого септемврѧ (177 об); до дна першого маѧ (177 об); съ полудна до вечера (149).

И, наконец, один случай с отрицанием: аХ бѣдаЖ креста не принявшѧ дѣтки (159).

Итак, флексия *-а* отмечена у всех одушевленных имен существительных, а также и у некоторых групп неодушевленных, а именно, у имен существительных с абстрактным значением; у имен собственных при предложном управлении, обозначающем направление действия и место действия; у некоторых имен существительных, обозначающих конкретные предметы и время.

Флексия *-у (-ю)* довольно широко представлена в анализируемом нами памятнике. Окончание *-у* обычно принимают существительные абстрактные, что свойственно и русскому языку.

Проиллюстрируем примерами с существительными без предлогов: то дознаѣте запевне гнѣву бжго (155); как и грецкого законѣ бѣдѣчих не ѡменшати (169 об); ѡконка смыслѣ направил (172 об); А покою и тихости межѧ розрозненными (169 об); ѡбыватели Повѣту берестейского (152 об); в тых школах волно ховати дховного и свѣцкого стану (154); и ѿТвзятѧ розрѣмѣ моего (158); фундаментъ непорядку (165); гнѣвѣ Божого и страшного сѣдѣ (160); уважного разсудку (164); ка 8богий законникъ чину св: (157 об);... не ведлугъ порядку (154 об); зближалсѧ час ѿтѣздѣ (149) и другие.

С предлогами: ѡд сеймѣ до сейму (159 об); зъ паметѧ и розуму людского (171); пошли отъ него до суду (177); в панствѣ тут с початку вѣра христинскаѧ (169); з гнѣвѣ мовилъ (151 об); зъ дару Его свѧтого (167 об); ведлугъ стародавнего звычаю (152 об); з погромѣ людского (150); из совѣту ѡбшого назначил инших (151 об); для знаку законного на собѣ маѧчи (160 об); ка маю зъ потребѣ 8 себе церкви (159); и побѣдка з дару Духа Свѧтого (162); до фолварку ѡсобы одной (159 об); и без позвѣ нан сталь (161); ведлугъ порядку церковного одправивши (178); до розсѣдку их духовного повабити (160 об); до гнѣву (166); без декрету волнымъ маѧ вчинили (161); даю зъ ѡмыслу (157); какбы зѡ снѣ ѡбѣжонный (151).

Существительное *часъ* с предлогом и без предлога представлено только с флексией *-у*:

ведлугъ часу тайти нетреба (158 об); и *од* того часу *ѣхалисмо зѣ собою зѣгодне* (151 об); *Тогож* часу на сейми в Варшаве (154 об); *од* сего часу мѣль (163); не бѣдѣт часу мѣти (162 об); одъ того теды тамъ часѣ (165); же отъ того часѣ (167); гдымъ ведлугъ часу (162); ведлугъ часу и потребы волею (169 об); ведлугъ того часу (161); одъ оного часу (176); *од* того часу (159) и т. д.

Окончание *-у* распространилось на собирательные имена существительные и на некоторые слова, обозначающие конкретные предметы, что также свойственно и русскому языку. Приведем примеры с предлогами и без предлогов:

пороху до козаковъ (176 об); ведлугъ народѣ и потребы литералноѣ (169); одъ пороху (178); не подкинѣли есте *якого* ворка порохѣ (176); *какого* листу на там... *взялъ* (156 об); *какого* листу правдивый доводъ (170); *какого* листу *копѣ* (173 об); Ведлугъ того листу *посланец* не *взял* (152); зѣ того листу (157 об); Латинского *шкрипту*... *справоватся—казано* (156 об); въ каплицы годно *королевского* кошту (171 об); безъ *тестаменту* *надасть* (155); до *задатку* *давалемъ* (162); *од* образу чудотворного (149); *трѣдно* без *пашпорту* *Кроля Пана* (149) и др.

Особенно широкое распространение окончание *-у* получило у существительных с предлогами, указывающими направление действия или место действия. Приведем примеры:

до замку *приѣхавши* (167 об); *отъѣждзаетъ* до домѣ (149); *вернѣлемся...* до домѣ (150); поблизу *храму* (149); *приѣхавши* з сенату (160 об); *ѣ столѣ* казал *голосно* читати (167 об); *сидѣлем* *ѣ столу* (149); *слѣжилъ* *ѣ столу* намъ (151); *пошолъ* до замку (176 об); до *обозу* было *припровождено* (177); до замку *Варшавского* *оддана* (167 об); *выпровадили...* зѣ замку (177 об); до *обозу* *взято* (177); *недалеко* былъ отъ *обозу* (177 об); *вели* его до *борку* (177).

Флексия *-у* употребляется в нашем памятнике и у имен существительных, обозначающих проявление действия, причем большинство из них с предлогами:

од *всходѣ* и *заходѣ* (169); до *ѣпадку* (148); *зе* *всходу* з *Нового* *Римѣ* (169); *под* *час* *всходѣ* *слнца* (150); *од* *заходѣ* *зас* з *старого* *Римѣ* (169); до *розѣздѣ...* *вѣзили* и *трапили* (160 об).

Таким образом, представленный фактический материал свидетельствует о широком распространении флексии *-у(-ю)*. Названная флексия отмечена у имен существительных с абстрактным значением, у имен существительных, обозначающих конкретные предметы, собирательные имена существительные, и у слов, обозначающих проявление действия. Чаще всего флексия *-у* встречается у имен существительных с предлогами (причем, как правило, при существительном не стоит определение: *зѣ заходу*, *зѣ сенату*, *до дому*, *безъ пашпорту*, *одъ пороху* и т. д.).

Наличие большого количества форм на *-у* свидетельствует о народности языка памятника „Диариуш“.

Кроме рассмотренных выше флексий, у имен существительных муж. рода в род. падеже встречается еще флексия *-и (-ы)*. Это окончание имен существительных имеет стилистическое назначение. Оно представлено у имен, обозначающих духовное звание: *метрополитъ, патриархъ, архимандритъ* и др. Эти слова под влиянием польского языка сохранили форму женского рода, так как в польском языке они относились к основам на **a*: *metropolita, patryarcha, archimandryta* и т.д.

памяти метрополиты Киевского (176); Нимашъ архимандриты Виленского (159); его мѣсть отца нашего метрополиты (161); ѡдослали до Его мѣл: ѡтца Метрополиты (156 об); до велебного метрополиты (175); до патріархи Константинопольского (162 об, 170 об); послалъ до его милости метрополиты (173 об).

Средний род в родительном падеже представлен флексией *-а (-я)*, унаследованной от общерусского языка. Приведем примеры:

ѣдучи до села (177 об); ближе мѣста (155); до вѣшого царского величества (148); зъ того панства (177); потомства не мѣлъ (148); зъ панства своего выкоренити (177); двѣ близко уха (178); который праве з детинства (158); зъ писма Грецкого (169); не отъ тѣла (164); а проклятых втрѣтит до пекла (155); пошлет до царства (155); вколо мѣста зъ ѡказіи (161 об); з похлѣбства ксіенжіи (163); спалъ зъ неба (172 об); зъ духовенства костельного (167); благословенства не маеть (165); до вашего царского величества прибылismo (151 об); и мѣстца сеймоваго (160 об); на свѣдцтво до права ѡтдаю (161 об); до сконченна сейму... держали мѣа (155 об); до збавенна и до згиненна (172 об); взѣато мене до вѣзненна (157 об – 158); ведлугъ жаданна братства (161); дѣла пожаданна столка сенаторского (163); ведлугъ росказанна нѣкоторых пановъ (160); дѣла милосердѣа (151); и до увѣренна (175 об); до запечатованна привилею недопущонойи (160); з сумненна чистого (163); дѣла выкупенна привилею (161 об); стороны припомненна (167 об); дѣла лѣпшого ѡбясненна (157 об – 158); безъ всякаго прекословиѣа (165); а дѣла разрозненна вѣры (169 об); до выкорененна унеи (167); зъ утрапенна моего (169); гисторію повоженна (171 об); ведлугъ приготоованна (173 об); ведлугъ уподобанна себе самого (173 об); не потребуют великого выбадыванна (164); безъ жадного омѣшканна и трудности (175); ведлугъ сѣмненна православных людеи (159); дѣла забѣженна... взѣалъ втые слова (156 об); хто маеть уха до слуханна (163 об); безъ писанна, чудовые столицы Московской доѣхавши (159); зъ росказанна его мѣл кроля (173 об); подаю то до побожного уваженна (162 об) и многие другие.

Имена существительные женского рода, оканчивающиеся в именит. падеже на *-а*, в дательном ед. имеют флексию *-и*. Эта флексия представлена не только у существительных с мягкой основой, но и с твердой. Приведем примеры:

ѡголошал по воли Божойи (176 об); по вѣри вашейи (176); по той суплицы лист мнѣ (167 об); а проклятыйи по ливици (163 об).

Известно, что еще в далеком прошлом на имена существительные с твердой основой в дательном падеже оказали влияние имена существительные мягкой разновидности и передали им свое окончание *-и*. Эта исконная

черта сохранилась в украинском языке⁴ и совершенно утрачена в русском и белорусском языках. Однако, кроме этой украинской флексии, в памятнике в двух случаях засвидетельствовано окончание *-ль, -е* в дательном падеже у существительных с твердой основой, правильно отражающее основное славянское окончание, которое в дальнейшем утвердилось в русском и белорусском языках:

по всеЙ коронѣ ПолскоЙ (176); к8 ѡздобе и пожитку Речи посполитое (154).

Женский род с нулем флексии в дательном падеже имеет окончание *-и*: по жалосноЙ смерти короля (169 об); казалъ чел҃ади своеЙ (161) и по смерти не раздрѣшенъ (162 об); в҃гожал млсти вашоЙ (157); всеЙ церкви РосийскоЙ нанеслъ был (156 об).

У имен существительных мужского рода наряду с флексией *-у(-ю)* в дательном падеже достаточно широко представлена флексия *-ови (-еви)*, перешедшая из старых основ на **-й*. Это окончание в украинском языке расширило сферу своего употребления. Оно распространилось не только на одушевленные имена существительные, но и на неодушевленные, в то время как в белорусском и русском языках данная флексия со временем совершенно исчезла. Древнейшие памятники белорусского языка знают это окончание, очевидно, под влиянием соседних украинских говоров и польского языка⁵.

В нашем памятнике рассматриваемая флексия особенно обильно засвидетельствована у имен существительных одушевленных: казали тому гайдукови (177 об); священноинокови бородѣ урѣзалъ (150); хотѣлем ѡказати тот чуд б҃жий и послушникови моем8 (150); и выдалъ, Рымскому папежови (163); вашей королевскоЙ мѣл панѣ и добродѣви (162 об); Родичови своему милому Жигимонтови Третему (171); мовил Петрови (173); Еп҃пови своем8 (149); не ѡдном8 Петрови (173); даровалъ вѣчностю жолнерови (148); казали инстигаторови (176 об); абысте том8 чернцови (175); ѡтц8 Силвестрови Косовови (149); иг҃менови Берестейскому (175); Тому козакови мусилемъ за дорогу (157 об); хотѣчи самом8 волкови драпѣжном8 (170 об); и ему и коневи (157 об); необычайному пастыреви (170) и другие. И лишь два случая с неодушевленными именами существительными: уніаты Рымскому костелови (170); часови щасливому (160 об).

Приведем примеры с именами существительными, оканчивающимися в дательном падеже на *-у(-ю)*:

що за зыскъ челоуѣку (167); ведлугъ статуту (169 об); ѡзнай мовалем ѡдчасти Гд҃н8 ѡтц8 Зосиму Печерскому (161); историю списавши, царю Московскому (159); кролю пану дойшла (175); иг҃мен8 монастыра (157); забѣгаючи встыду своему (173); и кресту честному (171); неслушно бовѣмъ пану (163 об) и другие.

Имена существительные среднего рода в дательном падеже имеют только флексию *-у (-ю)*:

⁴ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 63.

⁵ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 125.

тѣлу своему (172 об); набоженства сумненью побожному волного забороняль (163); по всякому слученію (153); которому то розказаню святому (167); А по скоченю выслушал (176 об); по увѣщанію правиломъ (153); и пришествію второму (171 об); *от* общего ко цѣломудрїю (153).

Надо сказать, что в нашем памятнике не отмечено ни одного примера, в котором бы существительное среднего рода имело окончание *-ови (-еви)*, что является возможным в памятниках украинского языка.

Имена существительныя женского рода (и мужского на *-а*) в винительном падеже ед. числа имеют окончание *-у (-ю* после палатальных согласных и *-та)*, правильно отражающее основное славянское *-ѣ*. Примеры: ѣхалисмо... на Калѣгѣ (151 об); и на одну стопу (177 об); за Вислу рѣку... проважено (160 об); шию заломити (177); выдалъ книжку (159 об); въ огиду подають (160); и учинивши памѣтку звыкшую (165 об); обачичемъ невѣсту (159 об); же вамъ кривду учинилъ (161 об); на преложенства и на науку (172 об); под ѡршѣ прибылисмо (149); болницѣ, штыпал... строити (153); перевозить мѣа презъ Вислу (161); и на Вязму приѣхалисмо (151 об); в Москву пѣстили (150); выпроводилъ на дорогѣ бранскую (151); възышлисмо на высокую гору (150); въ владзѣ и в держане ихъ подаем (152 об); приѣждзачючи под горѣ (150); и дали нам в томъ вѣрѣ (150); на прозѣ стороны... призовилъвши тую справу (154 об); имъ мѣти школу (154); незноснѣю кривдѣ... терпитъ (155); до фолварку ѡсобы единойъ за причину толко давали (159 об); и ѡборонѣ... подалем (158 об); рѣки вложивши на голову (159 об); то кривду незносную маемъ (160); тую потѣху рачилъ намъ (160 об); ласку кролевскую... мѣлъ (163); барзо великую справу и послугу на мене (162 об); за себе и за всю владзу (162 об); войну мѣти (162 об); зачатую справу подати (162); и розорвал добрую згуду (167); за отмѣну за душу свою (167); маеть фамилію (167); незначне въ карету (167); которую послугу волею Его (164); абымъ правду мовилъ (164); порѣжутъ презъ незгуду свою (164); святобливую памѣтку (171 об); казали справу противъ ему (176 об); еще спершися о соснѣ, стоялъ (177 об); выригнулъ свою злобу (176 об); обачилъ тую шляхту (176 об); проклиналъ ѣнею вашу (176 об); и бѣдешъ потребен на службѣ (158); не помнѣчи на клятву (163) и многие другие.

Особенного выделения заслуживают формы: *пѣснь, за пани*: пѣснь... проспѣвати (176 об); *зачалем пѣснь спѣвати* (156); што то за пани (160).

Слово *песня* в винит. падеже в наших примерах имеет форму *песнь* вместо *песню*, по всей вероятности, под влиянием основ на **ї*.

Форма *за пани* заимствована из польского языка, как и само слово *пани* является польским.

У существительных женского рода с нулевой флексией винительный падеж равен именительному. Приведем примеры: аж вѣдомость такую бѣдемо мѣти (176 об); въ вонтпливость подавши (171); тую субтелную хитрость (170 об); за печать давали (159 об); видѣчи невинность мою (156 об); въ вѣчность наложона (170); възавши ненависть (163); мѣлемъ вѣдомость (162); за тую печать (162); на бѣдную Русь (176 об); на смерть пойти (177); барзо великую трѣдность задавалъ (151); презъ смерть

поволаныЙ будетъ (165 об); о найИста студентовъ на церковь (171 об); на церков православную Берестейскую (159); на тую мнѣйшюу реч (177); на жаднѣю реч (177).

Одушевленные имена существительные мужского рода в винительном падеже имеют флексию только сходную с родительным падежом:

7 лѣт служилем за инспектора Дмитровичу (158); посвятити собѣ папежа (165); намовиль отца святаго папежа (167); подалемъ презъ мѣщанина (173 об); презъ діакона моего (160); през комисара и дворанина (154 об); презъ челоуѣка (172 об); презъ пана Осинского (165 об); Розгнѣвалъся барзо на отца (149); діакона обнажилъ (161 об); имъ през дворанина ишого (154 об); почал коня бити (150); обачилем млodenца (150); Хто колвекъ отбѣжитъ пастыра своего власного (162 об); намѣстника гродского (161 об); за пастыра и головѣ (170 об); члоуѣка одного (170 об); за князя Полского Мстислава (169); прислалъ кого своего по того чернца (173 об); посвятили собѣ священника (165) и другие.

Неодушевленные имена существительные мужского рода в винительном падеже имеют форму, сходную с именительным. Приведем примеры: ѡдати мене... под генсіорекъ (161); въ приготованю на судъ (168 об); не презъ сонъ (158 об); приѣхалисмо в городъ (150); иди на Трѣбецкъ (149); прочитавши привилей (159); аж в самыЙ конец села (150); приготовавши столикъ пристойне (151); всес лист вписаную экстрактомъ (154 об); ити на Смоленъскъ и Дорогобѣжъ за границѣ (149); по сес часъ (158 об); в вечер приѣхавши (160); в кождый рокъ (159); а то в ден звѣрствованя (160 об); на ночлегъ упросившися (151); слѣд пошляковали (160 об); абы в порядокъ правдивый (162); слышати было голос таковыЙ (162); далемъ всему покой (161 об); на доводъ того листы ихъ (170); бо въ атласъ зеленый оправлена (167 об); въ лобъ выстрѣлилъ (177 об); за порядокъ благословенства правого (165 об); в реестръ списал (163); подъ час тотъ трвожливый (176); в суботѣ в ѡбѣд (175); в тыж день (175); на тотъ часъ выпровадили (177 об); назначоныЙ въ четвергъ (175); на ноцъ поѣхалъ на ловы (175); в монастыр ... вѣехалъ (158 об) и другие.

Средний род в винительном падеже имеет флексии -о, -е: на роздѣлене благословенныхъ (165); ѡ котором през писане (161 об); заслужилъ великое каране (173 об); на волное ѡдправоване справъ (169 об); на ошукане особы одной (161); на уругане благочестя святаго (173 об); и предложилем ему докладный преїзрене бозское над нами (151 об); въ колѣно и болшь глѣбокое (160 об); на вырозумѣне выписую (152 об); през новое мѣсто в Варшавѣ (159 об); и потрѣтивши в болото (160 об); ѡдозвали бы ся в повиновацтво (163 об); на признане чим ест (163 об); вамъ на свѣдѣцтво (161 об); на кролевство наступуючи по августъ (169 об); ѡдавши [послушенство (170); въ его тѣло вступити мѣла (173 об); указалъ тое мѣстце (177 об); терплю изгнаніе (175 об); презъ окно волаеть (177); з которым ѣхалисмо на Болхово, на Белево (151 об).

Кроме представленных флексий -о, -е, в нашем памятнике отмечены отдельные примеры с существительными, оканчивающимися в вин. падеже

на *-у* (*-ю*), что свидетельствует о народности языка памятника. Приведем примеры:

Пало ми тое на *сердцѣ* (149); и пало добре на *сердцѣ* (151).

Имена существительные женского рода и некоторые мужского на *-а* в творительном падеже имеют флексии *-ою*, *-ею*, представляющие правильное отражение основных славянских *-оѣж*, *-еѣж*: *подъ брамою* мѣа обскочили (160 об); *не был воеводою* (149); *за тою карточкою* гдым приѣхаль до Пинска (152); *естем слугою* (157 об); *пре то хочъ з тѣжскою* моею бѣдою мусилем (152); *гды крол панъ з дрѣгою* юж малжонкою женитисѣ мѣль (157 об); *под клятвою* нам заказано (159); *з тоєю невѣстою* (159 об); *покорилъ по корою* (175 об); и *изволившисѣ з капитулою* (152 об); *за злою оферою* своею (163); *стоялъ над дорогою* шапку знявши (148); *в крестѣ* изобразеный трѣбою *ест* (155); *з гисторією* Московскою (165 об); *за причиною* короля пана (163); *волею* своею (162); *албо владзею* нашею (169 об); *владнулъ* славую (167); *съ подлою* особою (175); *за прозбою* нашею (176 об); *тою мовою* (176 об); и *за покурою* вашої (167 об); *за рѣкою* Москвою (158 об); *подъ Оршею* (158) и многие другие.

Надо отметить, что в „Диариуше“ не встретилось ни одного имени существительного с новой народной флексией творительного падежа *-ой* (*-ей*), что свойственно было древнерусскому языку. Дело в том, что в украинском языке окончание *-ою* (*-ею*) не переходило в *-ой* (*-ей*), и книжному украинскому языку XVII в. характерна флексия творительного падежа *-ою* (*-ею*)⁷. Что касается белорусского языка, то в нем также преобладала старая флексия творительного падежа даже в живой речи. Окончание *-ой* (*-ей*) встречалось лишь на северо-востоке белорусской области⁸.

Женский род с нулевой флексией в творительном падеже оканчивается на *-ю* и лишь в одном слове на *-ію* (*любвію*). Проиллюстрируем некоторыми существительными с флексией *-ю*: *над милостію* (165); *з трудностію* (171); *за помочію* похлѣбцовъ (163); *под печатью* (154 об; 157); *за вѣдомостію* кроля Жигмонта (158); *тамъ зѣ трѣдностію* бѣдет (149); *школами* и *всею чельадю*... не мает ниhto справовати (154); *с помочію* цесаровъ и *кролевъ* (166 об) и другие.

Представленная форма творительного падежа в последних примерах отражает народный украинский и белорусский языки. Уже в древние времена в живом белорусском и украинском языках окончание творительного падежа *-ью*, т.е. мягкий согласный *+j+y*, изменялось в удвоенный согласный + гласный или удвоенный согласный сливался в простой, что и засвидетельствовано в нашем памятнике.

Имена существительные мужского рода представлены только с флексией *-ом* (*-ем*):

и *за листомъ* кроля (169 об); *всѣмъ цехомъ* (177 об); *заволалемъ* голосомъ барзо (150); *былъ* передъ *королемъ* (176 об); *за тымъ* братомъ (177); *пекли*

⁷ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 65.

⁸ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. 2—3, Москва, 1956, стр. 165.

огнемъ (177 об); псомъ и лисомъ сѣа перевернути (170 об); передъ сенатомъ (176 об); подъ титуломъ словка того уніа (170 об); волкомъ и лвомъ быти (170 об); прикладомъ Феодоры (171 об); таковымъ порядкомъ (172 об); досконалымъ челоуѣкомъ (172 об); и свѣтомъ малымъ (172 об); предъ всѣмъ гимномъ людскимъ (162); поводомъ невѣсты Ольги Московки (169); Полскимъ языкомъ (169); грозѣчи правдивымъ гнѣвомъ (159 об); они жаднымъ способомъ (170); правымъ розумомъ (164); законникомъ zostalemъ (164); зо всѣмъ сенатомъ (165); змысломъ з витѣзства (161 об); належитъ справедливымъ судомъ (166 об); над народомъ людскимъ... фолгѣет (165); взглядомъ вѣры православной (161); а кони два зъ возомъ (161 об); зъ великимъ лѣаментомъ (159 об); и костѣромъ себе бѣчи (160 об); попъ зъ попомъ побилсѣа (161 об); пале под мостомъ (158 об); былемъ намѣстникомъ в монастыру (158 об); обѣяснѣю такимъ порядкомъ (158); тымъ листомъ нашимъ (155); чернеземъ zostalemъ (158); чоломъ бѣючи (157 об); сторожомъ и оборонцею бѣдѣчи (153 об); *как* варомъ облито (149); *ω*подад предъ конемъ (150) и другіе.

Имена существительные среднего рода в творительном падеже имеют те же окончания, что и имена существительные мужского рода: *-ом* (*-ем*). Приведем примеры:

за позволенемъ его милости (177 об); упрѣймымъ сердцемъ (167); над *ω*днымъ мѣстомъ (171); за допущенемъ... могъ бы брѣити (163 об); мниманемъ старшимъ называют (165); внѣтрнымъ *ω*комъ вижѣ (167 об); надъ тымъ панствомъ (166); предъ владыцтвомъ... бѣдѣчи (163); за розказанемъ метрополиты Кіевскаго Петра Могилы (161); за принѣатемъ за сѣа вѣры (169); за приверненемъ сѣа землѣ Волинской и Кіевской (169 об); зъ уруганемъ выдати (170 об); измышленые *ω*шѣканемъ Шатанскимъ (160); за поданемъ до книгъ (157); зъ великимъ усилованемъ выгубити (171 об); привилеѣ с потверженьемъ оныхъ правъ (159); розумнѣемъ *ω*шуканы будучи (159 об); прозба именемъ *ω*бывателѣв (154 об); и *ω*писѣючи въ книги писмомъ (156 об); за належнымъ наказаніемъ (156 об); *ω*т книзѣй Панов... подъ запрещеніемъ и непростеніемъ *ω*тлученіемъ нераздрѣшнымъ (153); между же братією своею кротостію і попеченіемъ (153); з страшнымъ прокляаствомъ (159); виденемъ *ω*кимъсь (149); ажъ зъ *ω*рганемъ пышнымъ (170); лицемъ въ гору обернул (177 об); заразъ за слнцемъ (150); *ω*акимъ сѣа кумовствомъ (170 об) и другіе.

Женский род на *-а* мягкой разновидности в предложном падеже оканчивается на *-и*. Эта исконная флексия сохранилась в белорусском и украинском языках и совершенно вышла из употребления в русском языке (ср. *о земле*). Приведем примеры: на земли будучихъ (170 об); въ своей воли (167); *ω*бѣяснилъ *ω* воли (167); въ деревни Брасови переночовавъши (151 об); на доброй воли (164); и въ *ω*ши мешкающимъ первымъ розѣвомъ (164); згола есть на воли (164); и въ пѣсни в тѣрмѣ зложной (164); въ той проклятой *ω*неи (163); въ воли то челоуѣчей *ест* (148) и другіе.

Кроме того, флексия *-и* (что является заменой *ь* в украинском языке) распространилась и на твердые основы, о чем свидетельствуют примеры, извлеченные из нашего памятника. Такое смещение мягкого склонения с твердым в именах с основой на **а*, **ја* в предложном падеже, а также и в да-

тельном (о чем мы уже в свое время говорили) является особенно характерной чертой староукраинского языка⁹. Приведем примеры:

въ покори сердечной (164); где перемешкавши въ гостиници днеИ три (150); в столици Московьской бѣдешъ (149); а в битви той кожного члѣка (151); в Полши бѣдѣчого (162); на той жеблицѣ... набыти (155); в Варшави ѣчиненый (161); въ духовной справи блудить (163 об); 8 вѣри православной (176); съдит... в Варшави (173 об); в той мѣри... мают (169 об); ѣдѣчому в карѣти кролю панѣ (173 об); в коморци гдымъ ѡправоваль (159 об); въ столици Московьской (171 об).

Рядом с флексией *-и* в предложном падеже обильно представлено окончание *-ь* у имен существительных с твердой основой. Примеры:

въ лѣвой сторонѣ (177 об); в особѣ всеи церкви (165); въ справѣ церковной (173 об); мнѣ въ турмѣ (175); в цесарской сторонѣ (164); в оборонѣ тоей унеи (163); и въ славѣ свѣта того плавает (167); нехай кождый при своей сторонѣ (163 об); през новое мѣсто в Варшаве (159 об); въ коронѣ папешской (158 об); ѣкбы о причинѣ иншой (157 об); в нѣкоей винѣ (153); въ поповой горѣ конь... зышолъ (150); въ избѣ (160); в вѣрѣ особливе сперегчи бѣдемо (169 об); был в опецѣ (164); што ся дѣяло в дорозѣ (158 об); въ опецѣ его былъ (158); въ великой трѣвозѣ (154 об); поткал нас в дорозѣ чловѣкъ (150); в трапезѣ страх (149).

Последние примеры свидетельствуют о второй палатализации заднеязычных согласных перед флексией *-ь*, что сохранилось и в современном белорусском языке. В некоторых случаях в слове *Варшава* вместо *-ь* находим *-е*, что свойственно белорусскому языку: в Варшаве (159 об, 161), 8 Варшаве 154, 154 об.

Представленное разнообразие флексий имен существительных женского рода в предложном падеже свидетельствует о взаимовлиянии и взаимодействии двух стихий: староукраинского и старобелорусского языков.

В памятнике мы наблюдаем даже и такие случаи, когда одно и то же слово имеет три или две флексии в предложном падеже. Например, слово *въра* представлено с тремя флексиями: *-и* (о въри), *-ы* (о въры), *-ь* (о върь); существительное *справа* — с двумя (о справь, о справи), причем флексия *-ь* является преобладающей. Очевидно, *ь* здесь читалось как *и*. Можно привести еще целый ряд примеров, свидетельствующих о неупорядоченном употреблении форм предложного падежа.

Имена существительные женского рода с нулевой флексией в предложном падеже оканчиваются на *-и*:

въдаючи южь о его смерти (177); ѣкъ правдивый в пріазни до кожного (163 об); при бытности ксионженція (177); жити зѣ братѣствомъ въ едниой мысли (153); въ ночи (150); старане ѡ церкви учинивши (148); въ милости братерской (173); и в боѣзни быти (149); въ церкви правдивой (165 об) и другие.

⁹ См. П. Жигецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 131.

На -ю: под влиянием дательного падежа (ср. К. Берестю)¹⁰: толко въ Берестю не былъ (173 об); писанъ ъ БереСТю (157).

Имя существительное *церковь* отмечено не только с флексией -и, но также и с окончаниями -е, -ь:

в церквѣ Грецкои належачи (169 об); въ бгоспасаемомъ граде берестейскоМѣ цркви столечности (152 об).

Однако у данного слова значительно преобладает флексия -и, которая впоследствии и утвердилась в старобелорусском и староукраинском языках.

Предложный падеж имен существительных мужского рода твердой разновидности образуется при помощи окончания -ь:

въ великоИ нас тръвозъ держаль (149); а наИбарзѣИ по сенодѣ (165); въ томъ часѣ (176 об); въ крестѣ КупятицкийИ (165 об); въ костелѣ под бытност (162); по некотором часѣ (148); во всем на свѣтѣ рядца (148); на томъ грунтѣ (153); и престалем на радѣ (149); дивовалиса в таком переѣзде ншом (150); ѡдтоль чудовне въ разводѣ Днѣпромъ (152); в том часѣ першедши (149); не хотѣл... взят в листѣ написанных (152); и въ всем повѣтѣ (154 об); при заходѣ слнца (151); в которомъ предѣлѣ (154); на свѣтѣ не машь (177 об); въ сенатѣ въ Варшавѣ (171 об); въ Раковѣ и въ Краковѣ (171 об); мѣлѣ столокъ в сенатѣ (163); на томъ судѣ (161); на Никейскомъ сенодѣ (166 об); въ головѣ динокъ три (178); въ костелѣ Римскомъ (165); въ храмѣ (176); въ обозѣ (177); на правомъ крилосѣ (178); на сеймѣ (176 об); на заходѣ и в Римѣ ест прингатака (169); на всемъ томъ свѣтѣ (172 об) и другие.

Причем флексия -ь нередко чередуется с флексией -и (что можно наблюдать в староукраинском языке) у имен существительных твердой разновидности, даже у одного и того же слова: на слѣпѣ зас том (171 об); а не на слѣпи (171 об); на прошломъ сеймѣ (162 об); потом бывши ми на сейми (154 об); на сейми... не хотѣли запечатовати (155); въ сенати поданные (162); въ сенатѣ (162 об); в часи замѣрономъ (164); въ часѣ замирономъ (163); въ томъ часѣ (175).

И многие другие существительные имеют флексию -и (из -ь): повѣдаю ѡ том голоси (149); того въ листи (170 об); и на великомъ престоли (161); в Кієви жаден мѣ не спытал (161); ѡписаль ѡ суди (165 об); в ѣком ѡн тут титули (161 об); былъ въ Кієви (160); и южъ на выѣзди (160 об); на вози привезеныИ (160 об); въ пѣтомъ жаристом гнѣви (158) и т. д.

Наличие флексии -и у имен существительных с твердой основой, очевидно, можно объяснить тем, что на них оказало влияние -и мягкой основы, а также и то, что безударное -ь заменялось посредством -и¹¹.

Кроме того, в нашем памятнике отмечена масса примеров с именами существительными, оканчивающимися в предложном падеже на -у (-ю), которое было свойственно существительным с основой на *й, а затем в силу различного рода причин распространилось на другие основы¹². Некоторые существительные на -у имеют вариант на -ь. Например:

¹⁰ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 172.

¹¹ См. там же, стр. 131—132.

¹² См. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., 1927; Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 131.

чернецъ естес в монастырѣ (158); в монастырѣ Кѣтинском (158) и т. д.

Однако надо отметить, что из девяти примеров со словом *монастырь* в восьми случаях в предложном падеже представлена флексия *-у* и лишь в одном окончание *-ь* (пример дан выше).

Наши примеры свидетельствуют о том, что флексия *-у* (*-ю*) весьма употребительна при предложном управлении, обозначающем место действия:

в другомъ своемъ монастырѣ (176 об); въ монастырѣ убогом (161); в скѣткѣ своемъ zostanie (164);... на ночлѣгу (149); на Тѣрови Пинску и иныхъ мѣстах и мѣстечкахъ злецоно (148); въ покою ксiонженца канцлера (159); бо хотѣлемъ в рынку (160 об); в замку... берестейскомъ (156 об); въ томъ же замку Берестейском (177); замѣшана в домѣ (163 об); в замку и в избѣ (160); въ рынку цѣлую ноѣ (177 об); в нерѣдным домѣ (171 об); въ склепiku поховали (178) и т. д.

С флексией *-у* представлены одушевленные имена существительные, обозначающие людей мужского пола:

игуменъ на тотъ час Межигорский при отцу Самоилу Борецкимъ (158); помолиста Богу ѿ сыну (151 об); при архиерею и сенатори такомъ (175 об); смысли в члѣку сътъ (172 об); ѿ мнѣ грѣшном Афанасию (175 об); А гдым былъ пытанъ ѿ Дмитровичѣ (161 об).

Окончание *-у* у имен существительных, обозначающих абстрактные и конкретные понятия:

в бѣдѣшем вѣку (165); по такомъ постѣпѣку моеМ (155 об); ѿ непорядкѣ костела Рымского (164); в покою час немалый (157); а затымъ и о покою (177); въ томъ року минулъ (177); въ звычайю набоженства (169); мають въ покою быти (169); ѿ томъ страхѣ неспоминаючи (150); вкресным знаку (148); при бокѣ кролла пана (175).

Широкое распространение флексии *-у* в предложном падеже на различные категории слов свидетельствует о народности языка нашего памятника.

Подобное разнообразие и неустойчивость в употреблении флексий отмечаем и у имен существительных среднего рода. В памятнике представлены существительные с флексией *-у* (*-ю*): въ писаню волностиИ (169 об); его стратили на мѣстцу (177 об); в полю стоит (150); сѣдитъ въ везеню (173 об); не пишемъ о житiю его (176); о вынищеню проклятой знеи (164); мгновите в постановеню Бозском и порядку духовномъ ѿшуканы (162); на сердцѣ моемъ вырытое (160 об); въ Кобриню ѿблочинский ѣакис (161); на сердцу своемъ маю (158 об); в сердцу моемъ нарисованое (159 об); по вступленю порядномъ на iерейство (158 об); ѿ грунтовнымъ успокоеню (159); ѿ помноженю хвалы Бозское (159 об); ѣа зас ѣакбы въ восхищенiю бѣдѣчи (151); въ Кобриню (171 об); ѿдано ми лист... ѿ запечатованю (157); въ ономъ вѣзеню седѣлъ (177) и другие.

Отмеченные выше формы *на мѣстцу*, *на сердцу* и др. являются польскими формами¹⁸.

¹⁸ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 50.

Имена существительные с флексией *-ъ* и с *-е* (вместо *-ъ*) являются характерными для старобелорусского языка, а также отчасти здесь сказались и польское влияние. Примеры:

в том послушенствѣ (149); в селѣ (149); ѿ урзненъе бороды (171 об); о вынищене грунтового унеи проклятои (162); заходнего неслыханым в христіанствѣ именовѣмъ ѿнїатами (170 об); в запомнене пришевши (176 об); великая по всемъ небѣ (177 об); въ своволномъ панствѣ (172); и ѿ обнажене діакона (171 об); о посылане (176 об); по всеї коронѣ Полскої и великомъ князствѣ Литовскомъ (176 об); тутъ в панствѣ (166); ѿбраного на его мѣстце (165 об); мало мало в течаїнѣ днѣпровой не потонѣли (149); 8 князстве Литовском (152 об); Прошени есмо были ѿ выдане книгъ (154 об); абы ѿ успокоене (159 об); немашъ въ набоженствѣ належномъ (159); в поле рицерскомъ не стало (159); въ болотѣ ввес поплюскавшисѣа (160 об); въ панствѣ христіанскомъ (159 об); в королевстве Полскомъ (160); и въ болотѣ сѣа помазати (160 об) и другие.

Имена существительные, оканчивающиеся на *-и*, в чем можно видеть староукраинскую замену *-ъ*:

При тѣли теж ничогосмо (177 об); въ мѣсти нѣшом берестейском (154 об); въ мѣсти Пинскомъ (158 об); за ѿказанемъсѣа на деревї (148); знаки муки и смерти его на тѣли тыи сут (178).

Имена существительные на *-ие* образуют предложный падеж с *-и*:

потом исправленїи нѣшом (156 об); въ послушанїи зась своємъ (156 об); зо всѣми людми в пожитїи розвмнее мѣти (158).

Слова на *-ие* представляют собою церковнославянское наследие, в связи с чем здесь и закрепилась флексия *-и*, свойственная и церковнославянскому языку, и древнерусскому.

В исследуемом памятнике нередко наблюдается взаимная замена флексий *-ъ* с *-и*, *-и* с *-у*, которая отражает взаимовлияние украинского, белорусского и польского языков. Например:

на неби и на земли... видилем (158 об); на небѣ хмуры барзо гнѣвливые (158 об); въ небѣ установилъ (172 об); на томъ мѣстцѣ (171); на каждомъ мѣстцѣ (161 об); и въ мѣсти Пинском (148); зачимъ въ мѣсти том берестейском (154 об).

Окончания именительного падежа множественного числа в нашем памятнике свидетельствуют о богатстве возможностей выражения этой формы в период становления системы склонения. Но из всего этого многообразия выделяются лишь отдельные флексии, которые и закрепляются в последующий период жизни языка. Основная и ведущая флексия в „Диариуше“ у имен существительных мужского и женского родов одинаковая — *-и*, а после палатальных согласных *г*, *к* и *х* — *-и*, т. е. те формы, которые являются нормой современного украинского и белорусского языков. Приведем примеры с именами существительными женского рода:

причины правдивыи (169); ибо и планеты ѿказѣют меркѣрїуша (162); слуги и юристы его милости (157); варунки публичныи мають (169 об); ѿд заходу зас з старого Римѣ полнаки, ... Болгарки дочки Богемїи (169); собѣ пекелныи

вѣчныи муки (165 об); пѣнищи много нас турбовали (150); мнѣ мовити тако-
вые речи (162) и другие.

Примеры с именами существительными мужского рода:
смыслы въ челоуѣку (172 об); розные влады того села (148); накожъ и го-
лосы тые были (175); всѣ каноны и соборы зневажилъ (173 об); въ князстве
Литовскомъ сѣны послушныи (152 об) такіе голоса носятсѣя (151); то есть
артикулы вѣры (173 об); варовали... нѣкаторѣи обыватели (169 об); бо
значнии то суть предотечи (171 об); всѣ недостатки людскіи (173); намѣст-
ники протопопы и все причетники (152 об); кроуѣники и права сѣт (169) и
другие.

Колебание в употреблении флексии *-ы* и *-и* у одного и того же слова
в памятнике не отражается.

Таким образом, все имена существительные мужского рода с твердой
основой имеют флексию *-ы*, т. е. древнюю форму винительного падежа мн.
числа того же склонения.

Старое окончание именительного падежа *-и* сохранилось у этой основы
лишь в одном случае:

якъ офицѣри единого кроуѣна (173).

Окончание *-и* в данном случае, возможно, является чертой староукраин-
ского языка. П. Житецкий в своем труде «Очерк литературной истории мало-
русского наречия в XVII в.» отмечает, что эта форма еще не совсем исчезла
из народной речи: *вовці, птасі, слузі*¹⁴. Как известно, древняя флексия *-и*
именительного падежа мн. числа была свойственна и белорусскому языку.

Мужской род мягкой разновидности и с основой на заднеязычные (*г, к,*
х) имеет древнюю флексию *-и* именительного падежа. Но нам встретился
один пример, в котором имя существительное мягкой основы сохраняет
окончание винит. падежа *-ъ* в значении именительного: А надто трапили
мѣя ѿгнѣ алхимицкіе (161). Можно полагать, что эта форма употреблена в
памятнике под влиянием польского языка.

Флексия *-а* у имен существительных мужского рода представлена лишь
тремя случаями и то у слов иноязычного происхождения, что свидетельст-
вует о влиянии латинского языка: догмата церковныи (173); саркамента
святѣи (173); есть писмотитла (169).

Флексия *-а* является типично русским новобразованием и неизвестна
ни украинскому, ни белорусскому языкам. Но в некоторых произведениях
на белорусском языке Е. Ф. Карский отмечает имена существительные с
окончанием *-а* и относит их к заимствованиям из русских говоров¹⁵. В нашей
рукописи такая флексия отсутствует.

Окончание *-е* закономерно сохраняют существительные на *-ин*:
мѣщане зъ Люблина, Сокалѣ, Орши, Пинска, Бѣлска, Кобрыня, Берестѣ
(159); мѣщане зас убогіе (159); а мѣщане ѿбогіи (161); що мають христѣане
зъ вѣры православной (163).

¹⁴ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в
XVII в., Киев, 1889, стр. 62.

¹⁵ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 140.

Старая флексия *-ове*, свойственная раньше основам на **й*, в нашем памятнике засвидетельствована у одушевленных имен существительных с основой на **о* и преимущественно у существительного *панове*, что, безусловно, является отражением польского языка:

не хотѣли вас панове (177); казали панове (177); оные панове згордили (176 об); и иншіи панове христіанскіи (167); а панове съдовыи (177); Але панове и преложонныи згола (165 об) и т. д.

Окончание *-ове* имеют и другие существительные. Употребление старой флексии именительного падежа мн. числа характерно в анализируемом нами памятнике для определенного пласта лексики, а именно, для церковной. Это окончание имеет стилистическое назначение: употребляется с целью создания торжественного стиля, одним из признаков которого является архаизация языка, что обособляет его от живой разговорной речи. Проиллюстрируем примерами:

якъ другии духовныи отцеве и братіи мои (162 об); ѡтцеве старшіи мои провадіат (161); посвящають не владыкове (165 об); Иншіи отцеве всѣ (159); сами отцеве наши старшіи (159 об).

Рассматриваемая флексия наличествовала в церковнославянском языке, встречается также в древнерусских, старобелорусских и староукраинских памятниках, и, по наблюдениям П. Житецкого, сохранилась преимущественно в галицких говорах малорусского наречия (*птахове*, *ляхове*, *сватове*, *ракове*) и в книжной украинской речи XVII в.¹⁶ Живым белорусским говорам она чужда, хотя иногда и встречается¹⁷. Распространенность этого окончания поддерживалась влиянием польского языка, в котором у названий одушевленных предметов оно является господствующим¹⁸.

Средний род представлен только одним примером с исконной флексией *-а*:

мѣста и села ... ѡдошли (148).

Существительные, имеющие оттенок собирательности, употребляются с окончанием *-и*:

навѣжаючи шляхетскіе дѣтки (163 об); креста не принявши дѣтки (158 об); бѣдѣтъ ся люди веселити (166 об).

Наряду с окончанием *-и* у существительного *люди* в памятнике отмечается флексия *-е*:

православныи люде болшую неволю терпятъ (159 об).

Формы имен существительных женского рода в род. падеже множественного числа представлены довольно четко, правильно и почти отражают флексии современного украинского и белорусского языков. Существительные на *-а* по общей норме представляют в род. падеже чистую основу:

зѣ ѡбясненемъ таемницъ (171 об); ѡ выдане з книгъ канцелярїи (154 об); бѣда не мовити справъ (162); ключи ѡт книг ... ѡдай (152); абы много вѣръ мѣло (159 об); з тых причинъ ѡд одного грецкого писма (169); отъ

¹⁶ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 62.

¹⁷ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 139.

¹⁸ См. там же.

всѣхъ насъ бѣдъ свободы (160); прислали особъ килка (176 об); отъ сихъ молитвъ (176); ведлугъ силъ немощныхъ моихъ (175 об); до рукъ своихъ не принявши (173 об); зъ тыхъ мѣръ (177 об); до невѣсть побожныхъ (175) и другие.

У имен существительныхъ жен. рода с мягкой основой выступаетъ флексия *-ей* (из древнихъ основ на **i*):

людеИ народу Руского (153 об); и повинностеИ своихъ пастырскихъ (170); ничогосьмо зъ вещьИ не найшли (177 об); и ѡбогихъ людеИ (165 об); зъ тыхъ двоухъ речеИ (177); зъ кимъ бы церковейИ своихъ доходити могли (159 об).

В памятнике засвидетельствована также и форма на *-ий*: и до иншихъ панийИ (175); въ писаню волностийИ (169 об); невѣдомыхъ мыслиИ (165).

Относительно представленной флексии *-ий* П. Житецкий в уже цитированной нами работе на стр. 62 пишет, что эта форма свойственна только галицкимъ говорамъ, в остальныхъ же говорахъ украинского языка, а также в русском и белорусскомъ языкахъ она не встречается. Следы этой формы есть и в книжной украинской речи XVII в. Такимъ образомъ, можно полагать, что рассматриваемая флексия является особенностью украинского языка, поскольку в памятнике старобелорусского языка и говорахъ белорусского языка она не отмечается.

Флексии имен существительныхъ мужского рода мн. числа родительного падежа отражаютъ факты, близкие современному литературному языку. В памятнике представлены все три формы, идущие изъ прошлого и сохраненные в наше время. Это флексия *-ов* (из основ на **o*), *-ей* (принадлежавшая в прошломъ основамъ на **i*) и нулевая флексия (из основ на **o*).

Ведущей и основной формой род. падежа мн. числа является флексия *-ов* (*-ев*). В древний период это окончание стало распространяться на имена существительные со старыми основами на **o*. Описываемый языковой процесс былъ свойствененъ всемъ восточнославянскимъ языкамъ. В белорусскомъ языке это морфологическое явление продолжалось в течение XIV—XVII вв. и привело к более широкому употреблению флексии *-ов* (*-ев*), чемъ в русскомъ языке. Приведемъ примеры изъ нашего памятника: найболшъ было дяконовъ (165); пановъ мѣщанъ мѣста Берестейского (153); презъ езитовъ справилъ (161 об); донесена естъ намъ презъ нѣкоторыхъ пановъ (154 об); а дорослые безъ шлюбовъ живутъ (159); до тыхъ кривдниковъ просилемъ (161 об); барзо трѣдно для козаковъ запорозскихъ (150); и одъ поповъ униатскихъ починеніи (171 об); одъ студентовъ своевольныхъ (161); потоковниковъ своихъ... подаютъ (160); а найбарзѣи езитовъ барзо мудрыхъ (160); до тыхъ кривдниковъ просилемъ (161); и помочю ненавистныхъ каплановъ Римскихъ (160); побожныхъ церковныхъ привилеовъ печатовати (160); для певныхъ сродковъ (163); какъ и презъ пословъ своихъ (167); много Грековъ (167); бо презъ королевъ пановъ (166 об); с помочю христіанскихъ цесаровъ (166 об); жолнеровъ зъ жолнерами (166); пановъ сенаторовъ зъ вѣзена моего (166); одъ папезовъ посвященныхъ кардиналовъ (165); ѡдарилемъ поклоновъ клика (149); а меншихъ одъ папезовъ (165); за донесенемъ намъ прозбъ ѡдстановъ многихъ (153 об); не до арцибискуповъ (167); не до бискуповъ (167); много доводовъ и протестацийИ (170); не до владыковъ, не до бискуповъ (167); ани до жадныхъ

становъ (167); златинниковъ нашихъ милыхъ (159 об); дѣла гоноровъ и свободы свѣта того (159 об); дѣла столковъ сенаторскихъ (170); всѣхъ округниковъ и незбожниковъ (170); отъ иновѣрныхъ и одъ уніатовъ проклятыхъ мѣлемъ (157 об); ани з кайдановъ (177); албо порохи до козаковъ посылати (176 об); съ кайдановъ росковавши (177); албо урядниковъ нашихъ (170); сакраментовъ, артикуловъ вѣры (171); и одъ поповъ уніатскихъ (171 об); рекль до гайджовъ своихъ (176 об); тыхъ же драгановъ (175); пять таларовъ (175); зъ которыхъ листовъ (175); ѣздиль до езуитовъ на порада (175); не моглъ жадныхъ галасовъ робити (175); писалемъ до розныхъ сенаторовъ (175); у чернцовъ знашли (176 об); ведлугъ поступковъ (170 об); надано толко двохъ наглядниковъ (175); а довѣдавшиса же листовъ (150); од злодѣевъ полуденныхъ (159); ведлугъ правъ и привилеевъ нашихъ (153); од старшихъ ѡтцевъ (160 об); и пошукали тыхъ листовъ и пороховъ (176 об); родичовъ зъ дѣтками (166); одъ отца спложонныхъ сыновъ (165); Поспалено ѡное од татаровъ (148) и мн. другіе.

Особо выделимъ форму зъ *оковъ*: былъ волный зъ *оковъ* (160). Существительное *оковы* акад. С. П. Обнорский¹⁹ относитъ к словамъ исконно мужского рода. Форма род. падежа *оковъ* является здѣсь архаической.

Нулевая флексія род. падежа представляетъ остатокъ старога строя языка. Это окончаніе прежде всего засвидѣтельствовано у именъ существительныхъ, связанныхъ с церковной лексикой, чемъ и объясняется сохраненіе архаической формы род. падежа, т.е. безъ окончанія *-ов*:

имѣти предѣль стыхъ бѡлолюбивыхъ Мчнкъ князей Россійскихъ (152 об); догматъ церковныхъ (171); безъ вѣдомости пастыра своего... для власныхъ привать своихъ... (128).

Кроме того, нулевая флексія засвидѣтельствована у одушевленныхъ именъ существительныхъ с основами на согласные. Это окончаніе отмечалось въ древніе времена въ живой рѣчи восточнославянскихъ языковъ и сохранилось въ наше время:

мѣщанъ зъ мѣщанами (166); ѡбывателевъ и мѣщанъ братства (154 об); од Рымлян ѡшканы (162); такъ княжать, пановъ, ѡко и землян въ реестръ списаль (163).

Колебаніе формъ родительнаго падежа множественнаго числа безъ флексіи и с флексіей *-овъ* наблюдаемъ только въ словѣ *часъ* (въ значеніи года): и прошлыхъ часовъ (159 об, 162); з давныхъ часъ (170 об).

Имена существительные мужского рода мягкаго различія и с основами на *ж*, *ц* образуютъ родительный мн. числа посредствомъ окончаній *-ей*, *-ий*: з читателей же школьных... приимати (153); да пановъ братій вашеЙ милости (157 об); а въ килка днй потымъ (178); въ килка днй (177); отъ братій своихъ (165); од Гдрей королей и великихъ князей литовскихъ Пановъ нашихъ (152 об); нимашъ мѡжеЙ памѣти годныхъ (159); од православныхъ мѡжеЙ зостала (148); презъ мѡсѡвѡцей ѡсмъ (177 об).

¹⁹ См. С. П. Обнорский, Именное склоненіе въ современномъ русскомъ языкѣ, вып. I, Л., 1927, стр. 16—17.

Имен существительных среднего рода в памятнике отмечено небольшое количество. Слова среднего рода твердой разновидности образуют родительный множественного числа без особого окончания и представляют чистую основу, в мягком различии родительный падеж образуется при помощи окончания *-ей* (из старых основ на **i*). Приведем примеры:

ревоковалъ словъ своихъ (177 об); и болшей тыхъ противныхъ словъ (152); и зъ иншихъ мѣсть и мѣстечок (159); и повинни бѣдемо достоинствъ (169 об); *отрѣаснувшиса сон ѿт ѿчей* (150).

В дательном падеже мн. числа имена существительные всех родов имеют общее окончание *-ам* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного) из первоначальных имен с основами на **a*:

двом тылко реліамъ (170 об); всѣмъ ихъ милостнамъ (157 об); дивуючиса справамъ (164); братіам братства (157); нѣкоторым особамъ также значнымъ (160).

Однако многие имена существительные мужского рода и слово *люди* сохраняют архаическую форму *-ом* (*-ем*) от имени с исконными основами на **o*. Это окончание из древнерусского перешло в памятники старого белорусского языка и старого украинского и сохранилось даже до нашего времени, например, в живом белорусском языке. Приведем примеры из нашего памятника:

а ѿсобливе старостом подстарости, борграбим, державцом, бѣрмистром, войтом, райцом, лавником мѣсть (175); А як паном братіам... ѿбѣцалем дати знати (157); рознымъ ѿсобом и сенатором подати (157 об); и не мовилъ противно униатом (176); въ вонтпливость людемъ простымъ (159 об); православным христіаном (161 об); якъ жолдакомъ нашимъ (175); людемъ подаваны (169 об); далъ всѣмъ людемъ (172 об); свѣцкимъ людемъ привелъ (175 об); не хочѣт нам, людемъ правовѣрным (160); вѣры годнымъ людемъ (177 об) и другие.

Представленное архаическое окончание *-ом* (*-ем*) часто употреблялось в книжном украинском и белорусском языках; оно, очевидно, еще не было утрачено в языке народа, хотя в народном употреблении это окончание фонетически изменялось.

Особенно упомянем о форме на *-ахъ* в дательном падеже: *ѿкрестилася...* по полькахъ (162 об); по ѣлицахъ Варшавскихъ бѣгалъ (160 об); по приснагахъ своих (169 об); по наѣкахъ церковно рѣских (158).

Флексия *-ахъ* в дат. падеже мн. ч., по всей вероятности, появилась под влиянием предложного падежа множественного числа.

Винительный падеж имен существительных всех родов не имеет особых флексий, они сходны по образованию с именительным и родительным падежами. У неодушевленных имен существительных окончание винительного падежа совпадает с именительным: ноги протѣгаъ (177 об); през рѣки... приѣхалисмо (151 об); мѣшатиса в справы несправедливые (163 об); въ тые справы (167); въ руки королевскіе отдана (167 об); втрѣтит до пекла на вѣчные мѣки (155); принамянѣЙ, тые три речи заховай (158 об); ѡважаючи судьбы (150); так и на пришлые часы (157); згублена на вѣки (155); оные страхи видели (177 об); мѣлъ албо порохи (176 об); поѣхалъ на ловы (175); на

тріумфы и процесіи (170 об); на нашки облудныя и на титулы высокія побравши (160); в костелы вбѣгати (160 об); столки сенаторскіе (170 об); куды порохи провадилъ (176 об); торгаючи сеймы (159 об); и ѳписѳючи въ книги писмом рѳским (156 об); ѳави сіа тайны (150); немаши мовлю волности юж и за гроши (159); то щастливыя лѣта ваши поживете (155); рекъ тые слова (173 об); взѳато... въ ѳковы (157 об — 158); ѳ запечатована приви-леча в тые слова (157); презъ тьи оконка (172 об) и мн. др.

Имена одушевленные имеют флексии, сходные с родительным падежом: на всѣхъ мѣшанъ (177 об); и парафіанъ своихъ (170); и преслѣдуютъ хрис-тіанъ (160); то есть уніатовъ проклятыхъ (159 об); нѣкоторыхъ пановъ се-наторовъ (159 об); великана тлуца людейъ вышла (150); законниковъ забрав-ши (161); в звѣровъ и птаховъ драпежныхъ сіа перекинѳли (165).

Иногда винительный множественного числа у имен существительных одушевленных сходен с именительным (не с родительным). Данную флексию мы отмечаем у существительных, обозначающих лиц, в основном с предлогами и один случай без предлога, но с местоимением *свой*. Приведем примеры: з страшнымъ проклятствомъ на униты (159); презъ листы и посланцы свои (169 об); презъ воеводы (165 об); на езуиты барзо мудріе (158 об); маете всюды свои мытники (176 об).

Сохранение архаической формы у приведенных существительных объясняется тем, что они употребляются с предлогами и с местоимением *свой*, которые задерживали проникновение народной живой флексии в указанные обороты речи. Старая форма наличествует также у имен существительных, обозначающих животных: одсылаемо кони на подводы три (175); како сѣт на птахи (166 об.)

У последнего существительного отмечается колебание новой и старой форм. Ср. и *птахов* драпежныхъ сіа перекинѳли (165). Проникновение новой формы в данную категорию слов происходило значительно позднее, чем в имена существительные, обозначающие лиц. В белорусском языке старая форма винительного падежа оказалась более живучей и частично даже проникла в литературный язык²⁰.

В творительном падеже основной формой для всех родов является флексия *-ами* (*-ями*) (из основ на **a*), которая в современном украинском и белорусском языках является нормой. Приведем примеры:

листами то и привилеѳами (166 об); а хитростями барзо (164); зрозными га-динами (164); такъ особами своими (167); и зъ крольками свѣатыми (167); двѣма драганами (175); кламцами zostали (170 об); з свѣатостями вше-лькими (161); зъ звычайами (169 об); зъ козаками успокоить (177); а не засѣдаемъ з бискупами (163); и напродъ его тамъ словами и обѣтницами отводили (177); противниками злосниками и тиранами стали (170); огнен-ными муками страшили (177); мушкетъ набити двома кулями (177 об); ѳ забране кони двох з возом з рѣчами (171—171 об); зъ колегами его в поле рицерскомъ не стало (159); межи монархами свѣта (162 об); зо всѣми по-житками (153); бѳдете всѣ уніатами (159); сѣ послугами моими ѳдаюся

²⁰ См. Нарысы на гісторыі беларускай мовы, АН БССР, Минск, 1957.

(157 об); и видѣхъ чувствами моими (150); и иншими товарищами (170); пришолъ... з дрѣгими розрѣдцями (150); будте унітами (161 об); зъ подпи- сами рѣкъ (158 об); и зъ иншими наслѣдовцями своими (163); а трохи тѣла мѣстцями зостало (178); и за листами слуги его (171 об); православ- ными христїанами (170 об); зъ козаками (176): зъ войсками ѡшиковаными (158 об); зъ дѣтками ... зъ монахами до гнѣвѣ ... приводила (166); потреб- нѣйшіе содбями (148); снѣями бѣдѣчи родити (165) и другіе.

Среди приведенных примеров, как мы видим, нет ни одного украиниз- ма, т.е. имени существительного с окончанием *-амы* типа *жертвამы*.

Значительно реже в памятнике представлена старая форма на *-ы* (*-и*), которая перешла из основного русского языка в старобелорусский и старо- украинский языки. Проиллюстрируем имеющимися у нас примерами: тыми словы (153 об); языкъ з рота межи зѣбы (178); найгоршиЙ гнѣвъ межи Греки и Рымляне станул (166 об); по вами, паны христїанскими (166); от- ливными словы на науки (160); и овшемъ вцели заховати вѣчными часы (169 об); и злыми словы зганеныЙ (160 об); зо всѣми пожитками поступуемо вѣчными часы (153); естѣ на вѣки выклїстая тыми словы (169); въ книгахъ тыми словы писаная (154 об); обѣцуемо задержати вѣчными часы (170); ани утиснемо вѣчными часы (170); вѣчными часы (155); волнымъ чинимъ вѣчными часы (154); тыми словы (169, 169 об) и другіе.

Архаическая форма употребляется в большинстве случаев в устойчи- вых словосочетаниях, которые, как известно, дольше сохраняют старые фор- мы. В нашем памятнике такими словосочетаниями являются:

тими словы, вѣчными часы.

Окончание *-ми* (из основ на **ї*) отмечается только у имени существитель- ного *люди*: межи людми (177); зо всѣми людми (158 об); людей за людми (171).

Особенного выделения заслуживает форма *звѣров*: над звѣров подданыхъ своих (165 об).

П. Житецкий полагает, что эта форма образовалась по аналогии от имен существительных мужского рода: *домовъ*, *доловѣ* (*доми*, *долови*), при- чем произошло смешение падежей дательного с творительным²¹.

Для предложного падежа так же, как для дательного и творительного, в нашем памятнике характерна новая форма для всех родов *-ах* (*-ях*), кото- рая и является нормой нашего времени. Приведем примеры:

в справахъ такъ великихъ (167 об); въ рукахъ своихъ (177 об); руки на пер- сѣахъ на крестъ сложилъ (177 об); вѣдаючи о превротностиахъ его (170 об); въ кривдахъ и потребахъ (171 об); въ книгахъ великого князства (171); въ особахъ людскихъ (172 об); въ патрїархахъ згодныхъ (173 об); на мукахъ оныхъ (177 об); в нѣкоторыхъ словахъ (169); мѣстахъ королевскихъ (170 об); въ катовскихъ рукахъ видити (177); и церковь въ церемонїахъ (169); въ фундушахъ и привилегахъ (169 об); на розныхъ мѣстахъ (169 об); в церк- вѣахъ своихъ (170); же не тылко в краинах (166); же в панствахъ направы (166 об); въ кайданахъ привести (177); в селахъ селян з селянами (166);

²¹ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 129.

в князствах повѣтах в мѣстах в мѣстечках и в селах (166); шляхетские дѣтки при педагогахъ (164); въ метрикахъ немашъ (162); въ столицахъ своихъ (165 об); поживут еще приданыхъ лѣтахъ шасливе (162); на пергаментныхъ найденные (159); в повинностяхъ своихъ (163 об); власне в тыхъ словахъ (159 об); въ многихъ розныхъ мѣйсахъ (163 об); а умерлыхъ въ полнахъ в ѿгородахъ и въ пивницахъ... погребают (159); въ розныхъ особахъ (163); в певныхъ теды потребахъ церковныхъ (161 об); въ дворахъ и въ судахъ (161 об); былъ въ покояхъ ихъ милостей (159); на моихъ коняхъ до мене з Кѣпрати (161); и былемъ в ѿковахъ (157 об); и людейъ ѿчныхъ в тыхъ школахъ (154); в дѣткахъ малыхъ ѿливными словы (160); въ сегосвѣтнихъ роскошахъ (177); въ ѿгнистыхъ полоннахъ (148); в таемницахъ... мовивши (158); такъ в печерахъ (161); въ шафункахъ (170 об); на улицахъ (171 об); въ достаткахъ (167) и мн. другие.

И лишь незначительное количество существительныхъ наличествуетъ со старымъ окончаниемъ *-ъх* (*-ех*) при твердой и мягкой основахъ. Флексии *-их* и *-ох* в рукописи не засвидетельствованы. В старобелорусскихъ же памятникахъ и в современныхъ белорусскихъ говорахъ последние получили широкое распространение²². Отсутствие ихъ в нашемъ памятнике, очевидно, можно объяснить темъ, что в грамматике М. Смотрицкого не дано окончания *-охъ*, а флексию *-ехъ* авторъ считаетъ церковнославянской не только в именахъ с основой на **ĭ*, но и у именъ существительныхъ с основой на **o*, какъ в мягкомъ склонении именъ мужского и среднего рода, такъ и в твердомъ. Возможно, поэтому и в анализируемомъ нами памятнике не употребляются флексии *-охъ*, *-ихъ*, и существительные с мягкой основой, вместо ожидаемого окончания *-ихъ*, представлены с *-ехъ*, что является отражениемъ книжного языка. Приведемъ примеры:

ласковость въ тыхъ лѣтехъ (162); в напастехъ бѣдахъ и въ недрѣзехъ (153); отъ единого до временехъ пришлыхъ (153); и людехъ послушенства своего (169 об); въ лѣтехъ семи albo ѿ семи (177 об); то есть властехъ (173); в молодыхъ лѣтехъ (149); въ людехъ взнецоное (171 об); на санехъ моихъ же хомутъ лежитъ (149); силы засъ в людехъ правоверныхъ (155); в часехъ (148).

В приведенныхъ примерахъ яркой особенностью белорусского языка является употребление местного падежа с предлогомъ *по* (в русскомъ языке в этомъ случае только дательный).

... отъ единого по временехъ пришлыхъ по насъ ѿбрѣтаемыхъ ... (153). Ср. в современномъ белорусскомъ языке: „Я буду радъ па цѣлыхъ дняхъ кружыць з камбайнамъ па паляхъ“ (П. Броука)²³.

В заключение мы позволимъ себе очень кратко сформулировать некоторые выводы, которые, какъ намъ кажется, вытекаютъ изъ всехъ предшествующихъ рассуждений:

1. Представленное с возможной полнотой описание именного склонения в памятнике полемической литературы „Диариушъ“ Афанасия Филиппо-

²² См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 153, 154, 155, 156.

²³ Примеръ взятъ изъ статьи М. Г. Булахова «Некоторые вопросы описательной грамматики белорусского языка», «Вопросы составления описательныхъ грамматикъ», АН СССР, 1961, стр. 23.

вича свидетельствует о том, что система склонения нашей рукописи отражает литературный язык юго-западной Руси, который постепенно выработывался на народной основе. Этот язык с успехом употреблялся в законодательстве — статутах, грамотах, актах, суде. Этим языком писались летописи, хроники, беллетристические произведения. На него переводились и книги св. писания.

2. Формы склонения, насколько они представлены в памятнике, носят признаки живого языка: довольно широкое употребление окончания *-у (-ю)* в род. и предл. падежах ед. ч. имен существительных муж. рода различных основ; флексии *-у (-ю)* в вин. падеже у имен существительных среднего рода ед. числа; флексия *-ю* в ед. числе в твор. падеже у существительных женского рода с нулевой флексией и другие.

3. В формах склонения отражены особенности украинского и белорусского языков.

Перечислим наиболее типичные черты языка изучаемой рукописи, общие староукраинскому и старобелорусскому языкам: отверждение губно-зубных в конце слова, твердое *р*, звательная форма, флексия *-ою (-ю)* в твор. падеже ед. числа у имен существительных женского рода, окончание *-и* в предложном падеже женского рода ед. числа, отсутствие флексии *-а* во множ. числе у имен существительных мужского рода в им. падеже.

Особенности, свойственные исключительно или преимущественно староукраинскому языку: флексия *-и* в дательном падеже ед. числа у имен существительных женского рода с основой на **а*, окончание *-ови (-еви)* в дательном падеже ед. числа у одушевленных и неодушевленных имен существительных, смешение мягких и твердых основ у имен существительных женского рода ед. числа в дательном и предложном падежах, флексия *-и* (из *-ь*) в дательном и предложном падежах ед. числа у имен существительных мужского рода твердой разновидности, флексия *-ь* в предложном падеже у слов среднего рода ед. числа, окончание *-ий* в родительном падеже мн. числа у имен существительных женского рода мягкой основы.

Особенности, свойственные исключительно или преимущественно старобелорусскому языку: окончание *-е* в именительном падеже ед. числа в словах: *старане, смаковане* и др., флексия *-ю* в творительном падеже ед. числа у слов женского рода с мягкой основой (*за ведомостю*), окончание *-е* (вместо *-ь*) в предложном падеже ед. числа у имен существительных женского и мужского рода твердой разновидности, широкое употребление флексии *-ов (-ев)* в родительном падеже множественного числа у имен существительных мужского рода, местный падеж с предлогом *по (по временах)*.

Количество украинских и белорусских черт в склонении имен существительных представлено почти поровну.

4. Влияние польского языка на падежные формы именного склонения ничтожно. Оно ограничивается лишь отдельными формами у немногих слов: *до паней* (род. ед.), *метрополиты, архиепископы* и другие подобные (род. ед.), *за пани* (винит. ед.), *местцу, сердцу* (предл. средн.), *панове* (им. мн.).

5. Что касается элементов книжного церковно-славянского языка, то они, как видно из исследования рукописи, незначительны. Это формы: *владыкове* (им. мн.), *мученик* (род. мн.), *старостом* (дат. ед.), *лѣтехъ*, *часехъ* (предл. мн.).

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1962 m. lapkričio mėn.

PIETVAKARIŲ RUSIOS 17 a. PIRMOSIOS PUSĖS POLEMINĖS LITERATŪROS KLAUSIMU

E. KEDAITYENĖ

Резюме

Pateiktas poleminės literatūros paminklo — Afanasijaus Filipovičiaus „Diariuš“ — daiktavardžių linksniavimo aprašymas rodo, kad šio rankraščio linksniavimas atspindi pietvakarių Rusios literatūrinę kalbą, palaiptinui išsivysčiusią liaudiškumo pagrindu. Ši kalba sėkmingai buvo vartojama įstatymdavystėje — statutuose, raštuose, aktuose, teisme. Ja buvo rašomi metraščiai, kronikos, beletristiniai kūriniai, į ją buvo verčiamos ir šventraščio knygos.

Linksniavimo formos, kaip matyti iš paminklo, turi gyvosios kalbos žymių: įvairių kamienų vyriškosios giminės daiktavardžių vienaskaitos kilmininko ir vietininko linksniuose gana plačiai vartojamos galūnės *-y* (*-ю*); niekatrosios giminės daiktavardžių vienaskaitos galininko linksnio galūnės *-y(-ю)*; moteriškosios giminės daiktavardžių su nuline fleksija vienaskaitos įnagininko galūnė *-ю*.

Linksniavime atspindi ukrainiečių ir baltarusių kalbų ypatybės. Pateikiami bendri senųjų ukrainiečių ir baltarusių kalbų bruožai: lūpinių sukietėjimas žodžio gale, kietas *p*, šauksmininko forma, moteriškosios giminės daiktavardžių vienaskaitos įnagininko galūnė *-ою*, *-ею*, moteriškosios giminės vienaskaitos vietininko linksnio galūnė *-u*, vyriškosios giminės daiktavardžiai daugiskaitoje neturi fleksijos *-a*.

Senosios ukrainiečių kalbos ypatybės: moteriškosios giminės *a*-kamienų daiktavardžių vienaskaitos naudininko galūnė *-u*, daiktavardžių, reiškiančių gyvus ir negyvus daiktus, vienaskaitos naudininko galūnė *-ову(-еву)*, moteriškosios giminės daiktavardžių kietų ir minkštų kamienų susimaišymas vienaskaitos naudininko ir vietininko linksniuose, vyriškosios giminės kietakamienų daiktavardžių vietininko galūnė *-u*, niekatrosios giminės žodžių vienaskaitos vietininko galūnė *-ѣ*, moteriškosios giminės daiktavardžių su minkštuoju kamieniu daugiskaitos kilmininko galūnė *-иѣ*.

Ypatybės, būdingos senajai baltarusių kalbai: *старане*, *смаковане* ir kitų žodžių vienaskaitos vardininko galūnė *-e*, moteriškosios giminės daikt-

tavardžių vienaskaitos naudininko galūnė *-e* (vietoje *-ѣ*), moteriškosios giminės su minkštuoju kamieniu (*за ведомостью*) žodžių vienaskaitos įnagininko galūnė *-ю*, vyriškosios ir moteriškosios giminių kietakamjėnių daiktavardžių vienaskaitos vietininko galūnė *-e* (vietoje *-ѣ*), plačiai vartojama vyriškosios giminės daiktavardžių daugiskaitos kilmininko galūnė *-ов(-ев)*, senasis vietininko linksnis (*местный*) su prielinksniu *по* (*по временех*).

Baltarusiškų ir ukrainietiškų daiktavardžių linksniavimo ypatybių sutikta beveik po lygiai.

Lenkų kalbos įtaka daiktavardžių linksniavimui čia labai nežymi. Tai liečia tik atskirus žodžius: *до пани* (vienaskaitos kilmininkas), *за пани* (vienaskaitos galininkas), *местцу*, *сердцу* (vietininkas), *панове* (daugiskaitos vardininkas), *метрополиты*, *архиепископы* ir kt. (vienaskaitos kilmininkas).

Bažnytinės slavų knyginės kalbos elementai negausūs. Tai formos: *владикове* (daugiskaitos vardininkas), *мученик* (daugiskaitos kilmininkas), *старостом* (vienaskaitos naudininkas), *лѣтехъ*, *часехъ* (daugiskaitos vietininkas).
